

DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.055
УДК 35.07:393.05 + 368.916

С. Ю. Мальшева
*Казанский (Приволжский)
федеральный университет*
Казань, Россия

НАЦИОНАЛЬНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ НАСЕЛЕНИЯ В СОВЕТСКИХ ПРОЕКТАХ И ДОКУМЕНТАХ, РЕГУЛИРОВАВШИХ ПОГРЕБЕНИЕ

В статье рассматривается, как проблемы национально-конфессионального разнообразия страны отражались и решались в советских официальных документах, касавшихся погребальной сферы. Анализ таких источников, как декреты, правила, инструкции, положения и их проекты, касавшихся кладбищ и похорон, показывает, что их дискурсы и содержание отражали подходы в национальной политике, смену экономического курса, объективные и субъективные условия разных этапов истории страны. Методологически изучаемые проблемы вписаны в исследовательские контексты истории национальной политики, имперской истории, экономической истории, истории советского социального проектирования. До конца Великой Отечественной войны, несмотря на артикулируемый на государственном уровне атеизм и проводившиеся антирелигиозные кампании, вопрос о целенаправленной ликвидации вероисповедальных кладбищ в контексте этих кампаний серьезно не рассматривался. Их исчезновение оказывалось, скорее, следствием роста и перепланирования городов, и, соответственно, «переноса» кладбищ из центра на окраины, возникновения новых кладбищ. Последние устраивались уже без учета национально-конфессионального принципа, нередко именовались «интернациональными», что подчеркивало их отличие от прежних вероисповедальных кладбищ. Появление проекта 1946 г., разделявшего моральное пространство по конфессиональному принципу, фактически предлагавшего устройство конфессиональных кладбищ, фиксировало происходившие с 1930-х гг. изменения в национальной политике — усиление державно-государственных и националистических тенденций. Однако этот слишком радикальный для государственного атеизма подход был смягчен в советских документах конца 1940-х — 1970-х гг., касавшихся погребальной сферы: ими рекомендовался учет «национальных» обычаев в погребальном деле и в погребальном пространстве при превалировании квазисекулярной «чистой» формы советскости. Как показывает анализ законопроекта 2014–2017 гг., конфессиональный критерий вновь был востребован в постсоветское время как весьма значимый для дифференцирования погребального пространства и национально-конфессионального разнообразия населения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история смерти; погребение; похороны; советские кладбища; вероисповедальные кладбища; социальное проектирование.

Ц и т и р о в а н и е: *Мальшева С. Ю.* Национально-конфессиональное разнообразие населения в советских проектах и документах, регулировавших погребение.

DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.055 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 3 (190). С. 188–201.

Поступила в редакцию 07.04.2019

Принята к печати 21.06.2019

Svetlana Yu. Malysheva

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Russia

THE NATIONAL AND CONFESSIONAL DIVERSITY OF THE POPULATION IN THE SOVIET PROJECTS AND DOCUMENTS REGULATING BURIAL

This article examines how issues of national and confessional diversity of the country were reflected and resolved in Soviet official documents concerning the funerary sphere. Analysis of such sources as decrees, rules, instructions, regulations and their projects concerning cemeteries and funerals demonstrates that their discourse and content reflected approaches in national politics, changes in the economic course, and objective and subjective conditions at different stages of the country's history. Methodologically, the issues considered are included in the research contexts of the history of national politics, imperial history, economic history, and the history of Soviet social engineering. Until the end of the Great Patriotic War, despite state-proclaimed atheism and anti-religious campaigns, a targeted elimination of denominational cemeteries was not seriously considered in the context of the campaigns. Rather, their disappearance was a result of growth and redevelopment of cities and, consequently, the "relocation" of cemeteries from the centre to the outskirts and the emergence of new cemeteries. The latter were arranged without considering the national-confessional principle and were often called "international", which emphasised their difference from the former denominational cemeteries. The emergence of a project in 1946 which divided burial space according to the denominational principle, in fact, proposed the establishment of denominational cemeteries and reflected changes in national policy from the 1930s, i.e. the strengthening of power-state and nationalist tendencies. However, this too radical an approach for state atheism was mitigated in Soviet documents of the late 1940s – 1970s concerning the burial sphere: they recommended to consider "national" customs with regard to the funerary issue and burial space with the prevalence of quasi-secular "clean" form of Sovietness. As the analysis of the 2014–2017 bill demonstrates, the confessional criterion is in demand in Post-Soviet time again as very significant for differentiating burial space and the national and confessional diversity of the population.

Key words: history of death; burial; funeral; Soviet cemeteries; denominational cemeteries; social engineering.

Citation: Malysheva, S. Yu. (2019). Natsional'no-konfessional'noe raznoobrazie naseleniia v sovetskikh proektakh i dokumentakh, regulirovavshikh pogrebenie

[The National and Confessional Diversity of the Population in the Soviet Projects and Documents Regulating Burial]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 3 (190), 188–201. doi: 10.15826/izv2.2019.21.3.055

Submitted on 07 April, 2019

Accepted on 21 June, 2019

Проблемы классификации «человеческого разнообразия» неотделимы от практик властвования. И эти практики простираются не только на живущих, но и — прямо или опосредованно — на мертвых. Смена политического режима, влекущая за собой переопределение социальных статусов, переформирование всей общественной системы, влияет и на статус покойников как символического ресурса социума. Этот статус подвергается пересмотру, а сами умершие переупорядочиваются и встраиваются в новые системы социально-классовой и культурной идентификации.

После Октябрьской революции 1917 г. для большевиков, пришедших к власти под лозунгами гражданской войны, разумеется, приоритетным было дифференцирование населения по классовому признаку: «свои», «классово ценные», «классово близкие», «классово чуждые», «враги» — эти и другие идентификационные маркеры широко использовались ими в первые советские годы. Пафос и ярость классового противостояния простирались в эти годы на умерших врагов и их захоронения (практика глумления и осквернения могил противников была нередка в годы гражданской войны — вспомним хотя бы судьбу захоронения и тела генерала Л. Г. Корнилова). В дальнейшем в отношении «вражеских могил» широко использовался принцип *damnatio memoriae*.

В мортальном пространстве советская власть решала проблемы выстраивания новой социальной иерархии, а также социально-классовой чистоты мест упокоения своих героев, вождей, приверженцев [Roth; Malysheva]. В нем идеи социального «смешения» были отвергнуты сразу. Начиная с 1917 г. проводилась политика территориального отграничения захоронений «своих» от социально-классово чуждых. Причем речь шла не только о создании наиболее почетных мест захоронения для вождей и героев на Марсовом поле в Петрограде или у Кремлевской стены в Москве или о резервировании для партийно-советской элиты отдельных кладбищ, первым и главным из которых в 1927 г. стало Новодевичье кладбище (на последнем, кстати, не только сохранялись некоторые дореволюционные захоронения, но и уже в советское время появлялись родственные захоронения «обычных людей»). На большинстве советских кладбищ недопущение «смешивания» захоронений своих и чужих вначале обеспечивалось практикой выделения отдельных участков для «своих». В раннесоветский период они получили наименование «коммунистических площадок», по названию появившегося уже в 1919 г. и отделенного от прочих участка на кладбище Александро-Невской Лавры. Вслед за этим «коммунистические площадки» появились на многих кладбищах городов страны. С конца 1930-х гг. «коммунистические площадки» уже не выделялись (что, вероятно,

было связано с декларированием в Конституции 1936 г. равенства всех граждан и отсутствия в СССР эксплуататорских классов). Но необходимость отведения привилегированных, лучших мест и участков кладбищ для погребения советских «знатных людей» привычно упоминалась во многих советских документах 1930–1970-х гг., вплоть до Инструкции 1979 г. [Инструкция о порядке похорон..., с. 30, 38]. Проблему идеологической «чистоты» и гомогенности власть решала и путем еще более жесткого отграничения мест и способов захоронения «своих» и явных «врагов» («врагов народа», солдат и офицеров гитлеровской армии) на протяжении 1920–1940-х гг. [Малышева].

Но многонациональность и многоконфессиональность населения страны требовала от большевистского руководства вырабатывать и практики обращения с ним. В данной статье внимание будет сосредоточено на рассмотрении того, как в советских проектах документов и документах официального происхождения, касавшихся погребальной сферы, решались проблемы «укрощения» национально-конфессионального разнообразия населения страны. В дискурсе этих, подчас противоречивых, документов отражались и подходы к национальной политике, и смена официального экономического курса, и объективные и субъективные условия тех или иных этапов истории страны, и признаки понимания реального состояния в погребальной сфере и практик населения страны, подчас весьма далеко отстоявших от проектов власти. Как таковая эта проблема вписана в разнообразные исследовательские контексты истории национальной политики, имперской истории, экономической истории, истории советского социального проектирования. Кроме того, в заключении будет затронут и вопрос о том, как советский опыт обращения с национально-конфессиональным разнообразием в мортальном пространстве находит свои параллели и перерабатывается в постсоветское время.

Нужды социалистического строительства и судьба конфессиональных кладбищ

К моменту Октябрьского переворота российские кладбища носили конфессиональный характер, были в основном культурно однородными. Наведением порядка в смертных пространствах большевистское руководство озаботилось практически в первые же годы. Причем, создавая упорядочивавшие это пространство документы, оно вполне очевидно исходило из актуальных политических дискурсов и экономических нужд. Однако регулирование национально-конфессиональной однородности или «смешанности» кладбищ чаще всего не фиксировалось в этих документах в качестве прямого запрета или предписания, а оказывалось косвенным результатом инаправленных действий, решения практических вопросов. Уже в первые годы советской власти культурному «смешению» в местах захоронений немало способствовали не столько антирелигиозная пропаганда и агитация, сколько реформирование похоронного дела и его последствия.

Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви от 20 января (2 февраля) 1918 г. провозгласил светский характер государства и лишил религиозные организации прав собственности. Декрет «О кладбищах и похоронах» от 7 декабря 1918 г., отменивший дореволюционное деление погребений на разряды (в зависимости от их стоимости) и провозгласивший одинаковые и бесплатные для всех похороны, утверждал эгалитарную миссию революции. Он, фактически, дезавуировал идею конфессиональной «чистоты», культурной однородности российских кладбищ как нормы. Ведь теоретически отныне любой человек мог быть похоронен на любом кладбище, вне зависимости от нации и вероисповедания. Хотя в примечании к п. 2 Декрета гражданам разрешалось совершать похоронный религиозный обряд в храме и на кладбище, но санкция на погребение и его организация были секуляризованы: разрешение на погребение давалось по предоставлению справки из органов записи актов гражданского состояния, а дело похорон и сами кладбища передавались в ведение местных советов [Декрет Совета Народных Комиссаров...]. Рожденная в результате передачи последним погребального дела кладбищенская неразбериха и похоронный кризис, усугубленные массовыми смертями первых лет советской власти, реалиями «общих могил», пропагандой безрелигиозных похорон размывали конфессиональную однородность на практике.

Отмена этого Декрета Советом Народных Комиссаров 18 мая 1922 г. и издание по его поручению летом того же года Народными комиссариатами внутренних дел, юстиции и социального обеспечения Инструкции о порядке похорон умерших граждан и пользования кладбищами, дезавуировавшей монополию советов на похоронное дело и принцип бесплатности погребения, знаменовали приход нэпа и в кладбищенские пределы. Передачи кладбищ в 1922 г. в аренду частным лицам, под управление религиозных общин [Реформа похоронного дела, с. 18] на некоторое время как будто бы вернули конфессиональным кладбищам их статус. На деле же их существование подкрепляло дискурс коренизации и легитимировалось последней: конфессиональные кладбища позиционировались в 1920-е гг. не как вероисповедальные, а как этнические, соответственно, нехристианские — как «нацменовские».

Уже в июне 1929 г. опубликованные Народными комиссариатами внутренних дел и здравоохранения по поручению Совета Народных Комиссаров РСФСР Правила «Об устройстве кладбищ и порядке погребения» отменили эту Инструкцию 1922 г. и вернули монополию государства на управление кладбищами, провозгласив окончание нэпа. Городские кладбища перешли в ведение местных органов коммунального хозяйства, сельские — сельсоветов, контроль религиозной общины за кладбищами был окончательно снят, а вместе с ним — и препятствия для размывания их конфессиональной гомогенности [Правила..., с. 459]. Издание 16 октября 1931 г. Инструкции Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросу культов «О порядке устройства, закрытия и ликвидации кладбищ и о порядке сноса надмогильных памятников», узаконившей упрощенную схему ликвидации кладбищ, решало актуальные,

связанные с индустриализацией страны и перепланированием городов проблемы необходимости расширения городских пространств и заготовки камня и металла. Уничтожение монастырских кладбищ, строительство в 1927 г. крематория на кладбище Донского монастыря в Москве, массовое использование надмогильных памятников и оград для нужд «социалистического строительства», «перенос» кладбищ и устройство на их месте парков и стадионов дезавуировали не только «конфессиональную чистоту» кладбищ, но и нанесли удар по их сакральному статусу. Перепланирование многих городов в 1930-е гг., расширение их территории приводили к тому, что старые конфессиональные кладбища (как правило, переполненные и находившиеся теперь в черте города) нередко закрывались, а новые открывались уже в качестве общественных, называемых, в отличие от «нацменовских», «интернациональными» [ГАРФ, ф. А–314, оп. 1, д. 2715, л. 3; д. 4713, л. 1, 4, 15, 21, 30].

Однако секуляризация кладбищ вовсе не означала, что на них не проводились религиозные погребальные обряды. Уровень религиозности населения оставался в это время весьма высоким [Мазур, с. 310–311]. В 1930-е гг. в некоторых российских регионах религиозному отпеванию предавали 93 % умерших [Лебина, с. 206]. К тому же к концу 1920-х гг. интерес большевистского руководства к насаждению красной погребальной обрядности среди населения зримо снижается [Соколова, с. 207], свирепый активизм антирелигиозников в 1930-е гг. в этой сфере тоже идет на спад, и традиционный религиозный обряд похорон открыто господствует повсеместно и в городе, не говоря уже о деревне. В. Смолкин-Ротрок справедливо отметила, что обряды погребения относились советским руководством к периферийным, не приоритетным вопросам «по крайней мере до 1956 г.», а то и до хрущевского времени [Смолкин-Ротрок, с. 443]. Создавалось странное впечатление, что и местные, и центральная власти молчаливо «отпустили» ситуацию на ставших официально общественными кладбищах, предоставив погребальному обычаю время и возможность самостоятельно «уложиться», «утрастись», размыться и обрести компромиссную форму между «национальным» и советским, и таким образом нормализоваться в качестве общей квазисекулярной нормы. Да и само погребальное дело и проблемы кладбищ оставались звеном системы коммунального хозяйства, до которого у советской власти многие десятилетия не доходили руки, которое снабжалось и управлялось по остаточному принципу. Достаточно сказать, что впервые более или менее систематические (но далеко не полные) сведения о количестве кладбищ в городах РСФСР были собраны только в 1940 г. и представлены 23 июня 1940 г. Народным комиссаром коммунального хозяйства РСФСР К. Д. Памфиловым и начальником управления благоустройства городов Народного комиссариата коммунального хозяйства Мельниковым в письме в Совет народных комиссаров РСФСР [ГАРФ, ф. А–314, оп. 1, д. 470, л. 9–12; д. 4760, л. 1–3].

В чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны власть вынуждена была прибегнуть к жесткому и дифференцированному регулированию погребений гражданского населения в тылу и в прифронтовой зоне, воюющих — «своих»

и «врагов». Целый ряд документов подробно расписывал правила захоронения гражданских и военных лиц (например, погребение гражданского населения определялось «Положением по организации похоронного дела в городах РСФСР» Народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР от 15 июля 1942 г., но, например, при захоронении погибших при воздушных налетах предписывалось руководствоваться Инструкцией Главного управления местной противовоздушной обороны Народного комиссариата внутренних дел СССР от 25 августа 1941 г.). Однако вопросы национально-конфессиональных различий мест захоронения в документах не затрагивались. Практически все документы, изданные в эти годы, были направлены прежде всего на решение главной проблемы — санитарной безопасности. Реже в официальной документации открыто проговаривалась связь между идеологическим и санитарным пониманием «чистоты» — например, при решении в конце Великой Отечественной войны проблемы различий захоронения «своих» и «чужих» павших на полях сражений [Малышева].

От плана конфессиональной дифференциации к «учету национальных обычаев» в погребальном пространстве

В 1946 г. в недрах Министерства коммунального хозяйства РСФСР появляется любопытный проект. Скорее всего, его разработка была начата еще в конце войны, так как в нем, помимо упоминания о согласовании документа с Главной государственной инспекцией Наркомата здравоохранения РСФСР от 6 февраля 1946 г., есть упоминание о согласовании с Советом по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров СССР и Советом по делам религиозных культов при Совете народных комиссаров СССР от 9 сентября 1944 г.

Причины составления этого проекта можно, разумеется, усматривать в целом комплексе обстоятельств. Немало написано об изменении взаимоотношений советской власти с церковью, и о «народном запросе», об усилившейся в годы войны религиозности населения, и о необходимости привлечь симпатии союзников и жителей освобождаемых от германских войск территорий [см.: Майнер; Одинцов, Кочетова; и др.]. Но содержание и язык этого документа дают основание связывать его рождение с усилением в системе властвования государственных и националистических тенденций, наметившихся уже в 1930-е гг. [Brandenberger], и сопряженной с ними актуализацией проблемы национально-конфессиональной дифференциации населения, учета и упорядочивания национально-конфессионального разнообразия страны, усиления контроля над ним. Потому что вряд ли проектировщики коммунхоза вдруг без отмашки сверху задумались о конфессиональных запросах населения и необходимости пересмотреть действовавшую Инструкцию Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросу культов «О порядке устройства, закрытия и ликвидации кладбищ и о порядке сноса надмогильных памятников» от 16 октября

1931 г., в которой о конфессиональных кладбищах не было ни слова [Инструкция Постоянной комиссии...].

Главное управление проектных организаций Министерства коммунального хозяйства РСФСР в проекте «Основных положений по проектированию и строительству кладбищ в городах и поселках с населением от 10 до 100 тысяч человек» фактически выдвинуло планы строительства новых конфессиональных кладбищ:

Захоронение верующих христианских вероисповеданий (православные, старообрядцы, католики, протестанты, евангельские христиане и др.) возможно на одном кладбище. Захоронение верующих нехристианских вероисповеданий (иудейского, магометанского, буддийского) желательно производить на специально отведенных участках кладбищ, отделив таковые от общегражданского кладбищенского участка и от участка, отведенного для захоронения верующих христианских вероисповеданий, оградой. При наличии в населенном пункте подавляющего количества жителей, состоящих из мусульман или евреев, желательно устраивать специальное кладбище. Постройку специальных помещений для молитвенных собраний на кладбищах (церкви, часовни, мечети, костелы, синагоги) предусматривать не следует. <...> Для захоронения лиц-иноверцев на кладбище должны быть выделены специальные участки, имеющие самостоятельные въезды [ГАРФ, ф. А-314, оп. 2, д. 1637, л. 8, 10 об.].

То обстоятельство, что культовых зданий ставить на конфессиональных кладбищах не предполагалось, могло свидетельствовать как раз о том, что речь шла не столько об усилении позиций церквей и конфессий, сколько об одном из возможных (и проверенных) инструментов «сортировки», упорядочивания, описания подведомственного населения и его убыли. Для сходства со «старорежимным», дореволюционным дискурсом описания конфессионального разнообразия страны, помимо разделения «христианские — нехристианские» и употребленного в документе термина «иноверцы», не хватало только часто шедшего с ним в паре «инославцы». Обращает на себя внимание и прозрачное обозначение «нормы», главной «чистой» формы в этом конфессиональном разнообразии, каковой оказывались «общегражданский кладбищенский участок» и «участок для захоронения верующих христианских вероисповеданий», отделяемые от прочих оградой.

Проект 1946 г. утвержден не был, однако стал своеобразным разрешительным сигналом для легитимации открытой конфессиональной идентификации в мортальном пространстве, прописанной затем в целом ряде последовавших документов. Но взамен слишком радикального для атеистического советского дискурса прямого упоминания конфессии в дальнейшем чаще прибегали к эвфемизмам «национального». Уже в том же 1946 г. в ходе июньского Совещания Союза архитекторов СССР и Союза художников СССР по проблемам мемориальной архитектуры при обсуждении вопросов сооружений на индивидуальных надгробиях, братских могилах и триумфальных монументах участники настаивали на необходимости «национальных форм» надгробных сооружений и прямо

указывали на крест как на основу этой «национальной формы» [Из стенограммы Совещания..., с. 252–254].

Апелляция к элементам конфессиональных предписаний и необходимость учета «национальных обычаев» погребения были зафиксированы в Санитарных правилах по устройству и содержанию кладбищ 1948, 1960 и 1977 гг. [Санитарные правила..., 1948; 1960; 1977]. А в «Инструкции о порядке похорон и содержании кладбищ в РСФСР» от 12 января 1979 г. уже прямо указывалось, что на памятниках, наряду с изображением «советских трудовых и боевых символов», также «допускается изображение религиозных символов», а «порядок проведения похорон и захоронения с учетом национальных обычаев может быть дополнен и изменен по согласованию с советами министров АССР, краевыми и областными исполнительными комитетами Советов народных депутатов» [Инструкция о порядке похорон..., с. 3]. Инструкция примечательна тем, что, констатируя и легитимируя разнообразие «национальных обычаев», она подвела под это разнообразие единый знаменатель «советскости». Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что под видом этой секулярной «чистой» советской формы она институализировала и некоторые обычаи православного погребения в сочетании с сильными языческими традициями (например, покрытие тканью зеркал и других отражающих поверхностей, вынос покойника ногами вперед или бросание в могилу горсти земли позиционировалось в документе как часть нормативного советского обряда) [Инструкция о порядке похорон..., с. 8] и чертами советского гражданского обряда (гражданская панихида).

Возрождение конфессиональных кладбищ в современной России

Проект 1946 г. неожиданно нашел отклик в наше время. В 2014 г. в российской печати появились сообщения, что Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства (Минстрой) готовит проект создания конфессиональных кладбищ [В могилах нащупали золотое дно...; В России могут появиться частные...; и др.]. В результате в недрах Минстроя появился проект федерального закона, в ряде статей которого фигурировали вероисповедальные кладбища.

Хотя упоминания о них зафиксированы уже в Федеральном законе «О погребении и похоронном деле» от 12 января 1996 г.: ст. 15 подразделяла места погребения «по обычаям» — на «общественные, вероисповедальные, воинские», а ст. 19 «Вероисповедальные кладбища» определяла их как предназначенные «для погребения умерших одной веры». Вероисповедальные кладбища могли находиться в ведении органов местного самоуправления, которые и определяли порядок их деятельности по согласованию с религиозными объединениями. Причем последние, согласно ст. 15, получали право вносить предложения по созданию вероисповедальных кладбищ [Федеральный закон «О погребении и похоронном деле»...].

Проект Минстроя скорректировал классификацию кладбищ «по обычаям»: из триады «общественные, вероисповедальные, воинские» исчезли общественные

кладбища, зато дополнительно появились «военные мемориальные», а в одной из редакций — даже «этнические» (ст. 24). Кроме того, весьма пространная статья 27 законопроекта конкретизировала понятие вероисповедальных кладбищ, отнеся к ним «места захоронений на территориях земельных участков, принадлежащих на праве собственности или ином праве централизованным религиозным организациям или религиозным организациям, входящим в их структуру», а также предусмотрела создание и содержание указанными организациями частных вероисповедальных кладбищ. Причем определение правил содержания этих кладбищ проект передавал из рук местного самоуправления в ведение органов государственной власти субъектов Российской Федерации с обязательным участием религиозных организаций [см.: Проект. Федеральный закон «О похоронном деле...»; Проект закона «О государственном регулировании похоронного дела в России»].

Широкое освещение средствами массовой информации предложений Минстроя стало сигналом, фактически инициировавшим создание конфессиональных кладбищ в стране: органы местного самоуправления начинают активно использовать слабо работавшую прежде статью Федерального закона. Так, 16 февраля 2015 г. Постановлением Исполнительного комитета города Казани № 693 был утвержден «Порядок деятельности вероисповедальных кладбищ города Казани». Согласно документу, «на вероисповедальном кладбище захоронения умерших (погибших) другой веры (конфессии) не допускаются». Конфессиональная «чистота» кладбища обеспечивается тем, что «захоронение умерших на вероисповедальном кладбище производится с ведома соответствующего религиозного объединения» и «в целях предотвращения захоронения на вероисповедальном кладбище умерших иной религии (конфессии) представитель религиозного объединения, отпевающий умершего, читающий за упокоенную душу, или присутствующий на похоронах священнослужитель делает на заявлении установленного образца отметку о принадлежности умершего к той или иной конфессии и указывает должность религиозного деятеля, сделавшего отметку» [Порядок деятельности вероисповедальных кладбищ...]. В документе отдельно регулировался порядок деятельности мусульманских, иудейских и православных вероисповедальных кладбищ, подробно описывались правила захоронения тел по каждой из религий. Элементы дифференцирования умерших присутствовали, однако, и в однородном пространстве конфессионального кладбища. Так, «территория иудейского кладбища делится на две части: для евреев и для неевреев по галахе», а «на православном кладбище рекомендуется организовать участок в непосредственной близости от культового сооружения (храм, часовня, моленная комната) для погребения умерших, имевших при жизни особые заслуги перед Русской православной церковью и обществом, внесших значимый вклад в духовное развитие и просвещение» [Там же].

В апреле 2016 г. Минстрой направил законопроект «О госрегулировании похоронного дела в России» в Правительство РФ. Однако в мае 2017 г. проект был отправлен на доработку (эксперты усмотрели коррупционные риски в ряде

его положений), и статьи, касавшиеся вероисповедальных кладбищ, в редакции Федерального закона от 25 мая 2018 г. остались без изменений, полностью повторяя статьи 1996 г.

Заключение

Таким образом, с первых советских лет почти до конца Великой Отечественной войны вопрос о национально-конфессиональной однородности или «смешанности» кладбищ имел в советской смертной политике периферийное значение, весьма уступая в актуальности другой дихотомии — захоронений «своих» и «врагов». Вопрос о существовании или ликвидации конфессиональных кладбищ слабо коррелировался с провозглашавшимися принципами (равенства, интернационализма) и антирелигиозными кампаниями. Их судьба скорее обуславливалась общими утилитарными тенденциями политики в отношении кладбищ и потребностями решения конкретных практических задач (удешевление погребений и решение проблем нехватки городской земли, нужды индустриального строительства, перепланирования городов, и т. д.), при необходимости их существование инструментализировалось (так, в годы «коренизации» конфессиональные кладбища во властном дискурсе легко трансформировались в «нацменовские»). Культурная однородность уцелевших конфессиональных кладбищ оказалась размытой, а новые советские кладбища позиционировались как «интернациональные». При этом к концу этого периода бытование религиозных погребальных практик в смертном пространстве молчаливо санкционировалось «сверху».

После Великой Отечественной войны попытка оперировать конфессиональными критериями при дифференцировании кладбищенского пространства обуславливалась актуализацией и усилением нараставшего с 1930-х гг. державно-националистического тренда во властной политике, необходимостью пересмотра инструментов упорядочивания «человеческого разнообразия». Однако обозначенный проектом 1946 г. переход от культурной гибридности «интернационального» погребального пространства к иерархизированной мультиконфессиональности в этом пространстве, вероятно, оказался слишком радикальным, ввиду чего в дальнейшем в опубликованных советских документах конца 1940-х — 1970-х гг., касавшихся погребальной сферы, этот переход был реализован в более мягкой форме рекомендации учитывать «национальные» обычаи в погребальном деле и в погребальном пространстве.

Нельзя не усмотреть интересные параллели в условиях и причинах возникновения, а также в ситуации официальной «недооформленности», неутверждения двух проектов — советского проекта Минкоммунхоза 1946 г. и законопроекта Минстроя РФ 2014–2017 гг. Планы создания конфессиональных кладбищ актуализируются в условиях переутверждения / укрепления властной вертикали и мобилизационного потенциала населения, аргументируемых внешними или скрытыми внутренними (космополитизм, иностранные агенты) угрозами.

Неустойчивая культурная гибридность выглядит в этих условиях подозрительно. Намного более желательным оказывается иметь дело с «народом» (советским, российским), отряды которого четко идентифицируются и дифференцируются по знакомым аскриптивным категориям (конфессия, нация), но цементируются некими общими базовыми «скрепами». Инициатива проговаривания мысли о существовании и допустимости конфессионального разнообразия в смертном пространстве делегируется практическим ведомствам (Минкоммунхозу СССР, Минстрою РФ), но не полагается необходимым слишком детальное и четкое закрепление его легитимности, почему, вероятно, проекты и не были утверждены. Намного важнее оказывается, что это разнообразие чистых форм увенчивается главной, доминирующей чистой образцовой формой: в одном случае — квази-секулярной (с мощным языческо-православным налетом) «советской», в другом — «русской» с явно прочитываемой державно-православной стилистикой (образцовый вариант последней ясно представлен в созданном Указом Президента главным пантеоне выдающихся людей РФ — Федеральном военном мемориальном кладбище в Мытищах и православном храме на его территории).

Источники

В могилах нащупали золотое дно. Минстрой предлагает создать сеть частных кладбищ // Коммерсантъ. 2014. 12 августа. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2543316> (дата обращения: 08.03.2019).

В России могут появиться частные и конфессиональные кладбища // Суть событий. 2014. 12 августа. URL: <https://argumentiru.com/society/2014/08/358022> (дата обращения: 07.03.2019).

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 470, 2715, 4713, 4760; Оп. 2. Д. 1637.

Декрет Совета Народных Комиссаров «О кладбищах и похоронах». 7 декабря 1918 г. // Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1968. Т. 4. С. 163–164.

Из Стенограммы Совещания по проблемам мемориальной архитектуры 3–5 июня 1946 г. // Советское изобразительное искусство и архитектура 60–70-х годов / [редкол.: Хазанова В. Э. (отв. ред.) и др.]. М.: Наука, 1979. С. 252–260.

Инструкция о порядке похорон и содержании кладбищ в РСФСР. Утверждена Приказом по Министерству жилищно-коммунального хозяйства РСФСР от 12 января 1979 г. № 25. М.: Стройиздат, 1980.

Инструкция Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросу культов «О порядке устройства, закрытия и ликвидации кладбищ и о порядке сноса надмогильных памятников». 16 октября 1931 г. URL: http://cddk.ru/gos_i_religia/history/sov-law/043.htm (дата обращения: 08.03.2019).

Порядок деятельности вероисповедальных кладбищ города Казани. Утвержден Постановлением Исполнительного комитета г. Казани от 16 февраля 2015 года № 693. URL: <http://docs.cntd.ru/document/432900362> (дата обращения: 07.03.2019).

Правила № 198/Б/197/мв Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата здравоохранения «Об устройстве кладбищ и порядке погребения» 7/11 июня 1929 г. // Бюллетень Народного комиссариата внутренних дел. 1929. № 23–24. С. 458–462.

Проект закона «О государственном регулировании похоронного дела в России». URL: <http://rusapo.ru/news/35-proekt-zakona-o-gosudarstvennom-regulirovanii-pohoronnogo-dela-v-rossii.html> (дата обращения: 07.03.2019).

Проект. Федеральный закон «О похоронном деле в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://funeralportal.ru/news/34235.html> (дата обращения: 08.03.2019).

Реформа похоронного дела // Коммунальное хозяйство. 1922. № 7 (август). С. 18.

Санитарные правила по устройству и содержанию кладбищ (Извлечение). 20 декабря 1948 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;n=22613;req=doc> (дата обращения: 08.03.2019).

Санитарные правила устройства и содержания кладбищ. 1 ноября 1960 г. URL: <http://bestpravo.ru/sss/eh-pravo/m1w.htm> (дата обращения: 08.03.2019).

Санитарные правила устройства и содержания кладбищ. 10 февраля 1977 г. URL: <http://bestpravo.ru/sss/gn-dokumenty/y3a.htm> (дата обращения: 08.03.2019).

Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» от 12.01.1996 № 8-ФЗ (редакция 25.05.2018). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=292687-0&rnd=95B1730A6642EA3554FCA38BC68B3E8D&req=doc&base=LAW&n=298701&REFDOC=292687&REFBASE=LAW#20rgq2edt9> (дата обращения: 08.03.2019).

Исследования

Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М. : НЛЮ, 2015.

Мазур Л. Н. Религиозность советского человека в 1920–1930-е гг.: эволюция, формы и практики // Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. Ч. 2 : Советское общество: культура, сознание, поведение / под общ. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 309–328.

Майнер С. М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика, 1941–1945 / пер. с англ. В. Артемова. М. : РОССПЭН, 2010.

Мальшева С. «Братские могилы» и «вражеские могильники»: символическое означивание массовых захоронений в Советской России / СССР 1920-х — 1940-х годов // The Soviet and Post-Soviet Review. 2017. Vol. 44. No. 3. P. 233–263.

Одинцов М. И., Кочетова А. С. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М. : РОССПЭН, 2014.

Смолин-Ротрок В. Проблема «обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 430–463.

Соколова А. Д. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!» // Отечественные записки. 2013. № 5. С. 191–208.

Brandenberger D. National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge : Harvard Univ. Press, 2002.

Malysheva S. The Russian Revolution and the Instrumentalization of Death // Slavic Review. 2017. Vol. 76. No. 3. P. 647–654.

Roth P. Totenkult in Russland. Politik und Religion // Glaube in der 2. Welt. 1999. Bd. 27. No. 2. S. 25–29.

References

Brandenberger, D. (2002). *National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956*. Cambridge: Harvard University Press.

Lebina, N. B. (2015). *Sovetskaia povesednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilu* [Soviet Daily Life: Norms and Anomalies. From War Communism to Big Style]. Moscow: NLO. (In Russian)

Miner, S. M. (2010). *Stalinskaia sviashchennaia voina. Religiiia, natsionalizm i soiuznicheskaiia politika, 1941–1945* [Stalin's Holy War. Religion, Nationalism and Allied Politics, 1941–1945]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Malysheva, S. (2017a). "Bratskie mogily" i "vrazheskie mogil'niki": simbolicheskoe oznachivanie massovykh zakhoronenii v Sovetskoj Rossii / SSSR 1920-kh — 1940-kh godov ["Mass Graves" and the "Burial Grounds of Enemies": The Symbolic Significance of Mass Burials in Soviet Russia/USSR, 1920s–1940s]. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 44(3), 233–263. (In Russian)

Malysheva, S. (2017b). The Russian Revolution and the Instrumentalization of Death. *Slavic Review*, 76(3), 647–654.

Mazur, L. N. (2019). Religioznost' sovetskogo cheloveka v 1920–1930-e gg.: evoliutsiia, formy i praktiki [Religiousness of the Soviet Man in the 1920–1930s: Evolution, Forms and Practices]. In L. N. Mazur (Ed.), *Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial'nyi proekt, 1917–1930-e gg.* [Early Soviet Society as a Social Project, 1917–1930s]. Pt. 2 : Sovetskoe obshchestvo: kul'tura, soznanie, povedenie [Soviet Society: Culture, Consciousness, Behaviour] (pp. 309–328). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Odintsov, M. I., & Kochetova, A. S. (2014). *Konfessional'naiia politika v Sovetskom Soiuze v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Confessional Policy in the Soviet Union during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Roth, P. (1999). Totenkult in Russland. Politik und Religion. *Glaube in der 2. Welt*, 27(2), 25–29. (In German)

Smolkin-Rotrok, V. (2012). Problema "obyknovennoi" sovetskoj smerti: material'noe i dukhovnoe v ateisticheskoi kosmologii [The Problem of "Ordinary" Soviet Death: The Material and the Spiritual in Atheistic Cosmology]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 3–4 (30), 430–463. (In Russian)

Sokolova, A. D. (2013). "Nel'zia, nel'zia novykh liudei khoronit' po-staromu!" ["It Is Impossible, It Is Impossible to Bury New People in the Old Way!"]. *Otechestvennye zapiski*, 5, 191–208. (In Russian)

Малышева Светлана Юрьевна

доктор исторических наук, профессор
кафедры отечественной истории
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
420008 Казань, ул. Кремлевская, 18
E-mail: Svetlana.Malycheva@kpfu.ru,
svetatuebingen@mail.ru

Malysheva, Svetlana Yurievna

Dr. Hab. (History), Professor
Department of Russian History
Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlevskaya Str., 420008 Kazan, Russia
Email: Svetlana.Malycheva@kpfu.ru,
svetatuebingen@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4442-4580
Researcher ID: G-3745-2013
Scopus ID: 57188731757